

«Мировое» положение Византии и проблема ее падения

*Для меня история - это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения
(Ф. Бродель)*

Проблема падения любой империи вечно дискуссионная и одна из самых сложных в исторической литературе. Это видно на примере Западной римской империи, когда даже первое падение «вечного» Рима в 410 г. вызвало шоковую реакцию. Самый факт захвата Рима Аларихом поставил перед христианами в острой форме проблему поисков смысла истории. Гуманисты эпохи Возрождения, преклонявшиеся перед античной культурой именно имперского периода (акад. Н. И. Конрад когда - то установил, что «возрождался» период I в. до н. э. - I в. н. э., т. е. время возникновения Римской империи), считали, что великая античная культура не могла умереть своей смертью (иначе она и не может быть названа великой), - ее стубили варвары. В эпоху Просвещения Вольтер предложил говорить не только о западной империи, но и о восточной и искать главную предпосылку в порочном общественном устройстве и «пустой» культуре: «Существует другая история, более забавная, чем история Рима после времен Тацита; это - история Византии, бесценная “коллекция”, не содержащая ничего, кроме декламаций и чудес. Это - насмешка над человеческим разумом». В итоге же фактически сформировалось представление о том, что единственной причиной гибели «несправедливых» имперских образований является «наказание» в виде нападения «варваров».

Выдающийся английский историк Эдуард Гиббон (1737 - 1794) не мог удовлетвориться таким тенденциозным и односторонним объяснением и попытался на примере Западной Римской империи нарисовать всестороннюю и многофакторную картину гибели империй. В своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» он приводит, как подсчитал один исследователь, 243 негативных момента. В результате можно скорее говорить о «распылении» проблемы, чем о ее детальном решении.

Другие историки XIX -XX вв. выделяли массу других факторов: прогрессивное уменьшение населения (Гартман), социальная борьба в последние века Римской империи как следствия развития рядом с капитализмом социализма и коммунизма (Пёльман), проникновение «прибрежной» античной культуры в глубь страны и экстенсивное ее распространение как причина потери интенсивности и возврата к старым, натуральным формам хозяйства (Макс Вебер), негативная роль правящей личности, упадок городской жизни, прогрессирующее истребление «лучших людей» (О. Зеек, А. Гитлер), потеря римлянами расовой чистоты (А. Гитлер, фашистские германские и итальянские историки, американский исследователь Тенни Франк), «революция рабов», «наступление старости античного мира», «необъяснимое истощение жизненных сил античного человека», отсутствие единства в экономическом и национальном отношении (И. В. Сталин) и др.

Не меньшее впечатление у современников и потомков вызвала гибель «Эллады» – Византии в XV веке. Ее объяснение тоже опиралось на аналогичные методологические парадигмы, хотя здесь можно все же выделить три основных подхода, в рамках которых до сих пор работает историческая наука:

1. социально – экономический, наиболее ярко представленный в марксизме. Феодализм как общественно-экономическая формация исчерпал себя. К XV веку практически исчезли западные империи (формально существовала лишь Священная Римская империя, которая будет упразднена Наполеоном I), Византия тоже должна была прекратить свое существование. Таким образом, ее крушение есть некая форма социальной революции. Фактически это та же идея, которая нашла своеобразное выражение в теории «революции

рабов», в соответствии с которой «не - римляне, т.е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (И. В. Сталин).

2. политический, когда особо выделялся в качестве решающего, а то и единственного, внешний фактор – турецкая экспансия. Это можно назвать классическим для традиционного общества объяснением.

3. смешанный как сочетание этих двух подходов: слабевшая Византия была легко захвачена турками.

История последних десятилетий существования Византии получила самое подробнейшее освещение и в сочинениях современников, особенно Георгия Франдзи, Дуки Лаоника, Халкондила, Критувула, и в работах исследователей. Опираясь на них, можно говорить, что причины падения этого могущественного во всех отношениях государства связаны со спецификой его развития как имперского, а это значит, что надо видеть совокупность факторов – социальных, экономических, политических, демографических, этнических, идеологических, как внутренних, так и внешних, как современных падению, так и формирующихся задолго до этих событий. Это не эклектическое объединение «случайных» процессов и фактов, а именно их синтез. Это особенно верно и потому, что Византия фактически не просто государство, а цивилизация и ее история должна рассматриваться в самом широком историческом контексте¹.

Прежде всего, надо отметить, что период, в который укладывается история Византии, - особый в истории Евразии, занявший почти тысячелетие (приблизительно 500г. н. э. – XV вв.) и имеющий целый ряд особенностей. Это период бурного развития различных евразийских оседлых цивилизаций. К началу его мы можем говорить о некотором «затухании» жизни. Целый ряд исследователей (Э. Поньон, М. Блок, П. Шонье, Р. Дион, Ш. Игуне и др.) подчеркивают «низкий старт» этой эпохи и, действительно, создается такое впечатление, что «темные века» (dark ages) были не только в культуре. Для всей Евразии так или иначе характерен переход к экономике, в которой земледелие было основой или играло весьма заметную роль. Стремительно уходил в прошлое период, для которого было характерно «много деревьев и мало людей». Начинается расчистка целинных и заброшенных земель. Широкое распространение получают «мировые религии» как религии метарегиона («мира»). Медленно, но неуклонно растет численность населения. Из этого факта Пьер Шонье даже сделал вывод о том, что цивилизация прогрессирует именно в связи с этим фактором.

Надо учитывать и то, что Византия, как любая другая средневековая империя, достаточно неустойчивое образование и перманентно слаба. Это объясняется именно имперским характером государства.

Термин «империя» до сих пор воспринимается внеисторически². Двумя определяющими признаками империи с начала XVIII в. считаются обширность территории и этническая разнородность населения. Этим, по мнению французского исследователя того времени Г. Жерара, империя отличается от царства, которое меньше по территории и этнически однородно. Между тем, если попытаться выделить «корневое» значение и назначение термина «*imperium*», то оно будет связано с регулированием различных отношений: между этносами, общинами, языками, культурами, экономиками, организацией совместной экспансии или обороны, распределением продуктов, добычи, и т. д. Основная причина возникновения и формирования имперской системы в Средиземноморье кроется в трансформации полисной системы (системы городов - государств) в сложное, в идеале, если уж и не в итоге, централизованное государство (*unum quod non est pars* – единство, не имеющее частей - лат.). По мнению А. Головатенко, в любом централизованном государстве

¹ *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974.

² *Пиков Г. Г.* Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103 – 121.

заложен имперский потенциал. Условия этого: «осмысленные, оформленные и открыто провозглашенные притязания власти на универсальность и одновременно на уникальность, на вечность и непогрешимость»³. «Лоскутки» (различные этносы, социальные группы, экономики, языки, культуры, религии etc.) «сшивались» в пестротканое полотно империи. «Коммунальная квартира» постепенно превращалась в единую «семью», члены которой вступали во все более и более тесные связи друг с другом. Этот процесс, в частности, достаточно хорошо изучен на материале истории философии и религии. Синтетический характер философии того времени выразился в ее сакрализации и формировании синтетических вариантов философии (гностицизм, неопифагореизм, неоплатонизм), религии (христианство, манихейство, ислам), языков (вульгарная латынь), ересей.

Хотя можно выделить некоторую универсальную модель «империи»⁴, каждая конкретная империя обладает рядом своеобразных характеристик. Если экономической основой западных империй (Каролингской, Оттоновской, Анжуйской) была аграрная экономика, локальная, автаркизованная и децентрализованная, то в Византии сельское хозяйство не могло играть соответствующей роли. Существенной особенностью византийской цивилизации была ее «открытость»⁵, обусловленная не только широкими экономическими и политическими связями ее со многими странами Востока и Запада, но и издревле ведущей ролью торговли в экономике ближневосточного и малоазиатского регионов.

В истории Византии можно выделить три периода, последовательно сменявшие друг друга.

Пока территория будущей Византии находилась в составе Римской империи, действовали также политические факторы. Восточные провинции были политически подчинены экономически слабому Западу. С IV века, особенно с момента основания Константинополя (324 – 330) начинается самостоятельная история государства. Уже в первый период (IV – середина VII вв.) четко проявилось своеобразие общественного и культурного развития Византии⁶, иначе говоря, становится заметен «дрейф» «континента» под соответствующим названием в сторону от Римского «мира». Это и есть, пожалуй, самая отдаленная причина будущего падения империи. Если западная часть Римской империи стремительно трансформировалась в «большую деревню», то на территории Византии, где роль «варварского» элемента была еще не заметна, упадок экономики стал очевиден практически к концу этого периода. Известный бельгийский историк Анри Пиренн в своей теории («Тезис Пиренна») возникновение феодализма на Западе прямо связывал не с германцами, а с арабами. Он утверждал, что варвары варваризировали Римскую империю, но утонули в массе ее населения, утратив свой язык и переняв латынь и романские языки, утратив свою религию и переняв христианство⁷. Византия же практически вообще не сталкивалась с нашествиями германских племен, «варварский» элемент в ее истории будет представлен прежде всего славянами. Византийский «субконтинент» был одной из контактных зон⁸ средневековой Евразии, но на данном этапе более активными были контакты государства с армянами, грузинами (лазами), гуннами, аварами, славянами.

³ Головатенко А. Имперская идея: истоки и приметы // Головатенко А. История России. М., 1995. С. 250.

⁴ Более подробно см.: Пиков Г. Г. Исторические термины...

⁵ *Культура* Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 14; Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // Византийский временник. 1980. Т. 41. С. 54 – 56.

⁶ *История* Византии. Т. 1. М., 1967; *Культура* Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. Гл. 1.

⁷ Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. P.; Врук., 1937; Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Г., 1941.

⁸ Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и безсинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально – экономических формаций. М., 1975.

Византия имела территориальные владения на трех континентах (Европа, Азия, Африка), сохраняла ореол мировой державы и само географическое положение государства делало его связующим звеном между Востоком и западом. Экономические связи с Западом не ослабевали и сохранялась экономическая дихотомия «Восток – Запад», но эти связи по степени складывания на Западе аграрной цивилизации все больше и больше слабели, хотя сохраняли свое значение отношения с восточными регионами. Византия все больше «уплывала» на Восток, хотя и пыталась изменить ситуацию военным путем (войны при Юстиниане в VI в.). Во внутренней жизни государства это было время крайне медленного изживания позднеантичных рабовладельческих порядков и одновременно усиления государственной централизации в духе восточных традиций⁹. Дальнейшему «отрыву» от прежнего «мира» способствовало и особое отношение византийских политологов и политических деятелей к прежним формам монархизма (ветхозаветного и римского). Хотя византийцы считали себя «римлянами» (по – гречески «ромеями»), начало византийской государственности относили к эпохе домината¹⁰ (времени правления Константина), когда происходил фактический отход от классической «имперской» модели. В то же время византийцы не приняли на практике распространенную на Ближнем Востоке ветхозаветную модель теократической государственности¹¹, им скорее было понятно стремление Константина поставить церковь под контроль государства. Если Западная церковь в период Великого переселения народов вынужденно обретет максимальную независимость от светской власти, то византийская церковь, а впоследствии и православная в целом, будет находиться в сложных симбиозных отношениях с государством.

Именно это, вероятно, и обусловило то, что начинает усиливаться влияние греческой политической мысли, прежде всего, эллинистической или даже более древней¹². Именно эллинистические идеи «царя», «царства», «автократии» (βασιλεία) легли в основу политических традиций императорской власти и государственности Византии. Император Ираклий в документе 629 г. впервые назвал себя не «императором ромеев», а «василевсом», а его преемник, тоже Ираклий, стал именоваться «новым Константином».

«Дрейф» Византии от Запада значительно усилился на следующей стадии ее развития (середина VII – XII вв.). «Смутное время», наступившее фактически сразу после смерти Юстиниана и сопровождавшееся сильными социальными и политическими катаклизмами (например, иконоборчество), арабские захваты византийских территорий и активная инфильтрация славян в пределы государства привели по сути к появлению нового государства¹³. Из восточно-римской империи выросло феодальное греко – славянское государство имперского типа. Греческая культура преобладала, вытесняя латинскую и подчиняя себе славянскую. Это было связано прежде всего с тем, что после потери северобалканских, африканских, ближневосточных и италийских земель территория государства сократилась втрое, практически до греческой зоны. Хотя славянский этнический компонент не уступал по численности, правительство и церковь официально поддерживали греков и их культуру.

Если на Западе создание государств в значительной степени было основано на «варварских» традициях (не случайно так называемые «последние римляне» придумали даже

⁹ *Культура Византии*. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 30, 31.

¹⁰ *Культура Византии*. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 98.

¹¹ *Иосиф Флавий*. О древности иудейского народа; Против Апиона. Пер. с древнегреч. М., Иерусалим, 1994. С. 176; *БСЭ*. М., 1976. Т. 25. С. 432; *СИЭ*. М., 1973. Т. 14. С. 189.

¹² *Культура Византии*. Вторая половина VII – XII вв. М., 1989. С. 61. Титул «василевс» («базилевс») фактически ахейского происхождения, в те времена он обозначал военного вождя (ср. славянское «конязь»).

¹³ Несмотря на то, что до сих пор продолжается спор о том, произошел ли в общественном развитии Византии данного времени глубокий переворот по сравнению с V – VI вв. (дисконтинуитет) или существовала непосредственная преемственность с эпохой Юстиниана (континуитет), налицо, безусловно, глубокая и существенная трансформация государства, его экономики и культуры.

формулу «готы создали государственность»), то Византия вынуждена продолжать опираться на свой опыт. Отсюда налицо сохранение римского опыта, но появление некоего равнодушия к так называемой римской идее. Западная Европа укрепляется, опираясь на теорию «трансляции римской империи». Государствообразование активно идет не только в центре, но и на самом Балканском полуострове, в непосредственной близости от византийской столицы. После образования Франкской империи Каролингов (800 г.) и Священной империи Оттонов (962 г.) политическое и культурное влияние Византии стало стремительно падать¹⁴. Начинается (с Клунийского движения, 910 г.) укрепление и возвышение папства, которое заявляет претензии на духовное руководство всем христианским миром. Противоречия между бывшими частями Римской империи нашли отражение, а затем и обоснование в догматических разногласиях, которые и привели к расколу 1054 г.

Надо отметить и то, что в экономике и общественной жизни увеличивается роль «варварского» элемента (прежде всего славянского), который способствовал в некоторой степени замедлению процесса феодализации, ибо привнес более примитивные формы хозяйства. Складывается несколько парадоксальная ситуация: уже на данном этапе намечилось некоторое отставание Византии от западноевропейских стран, хотя она и относилась к зоне развитой городской экономики.

Одновременно начинается усиление культурного влияния Византии на значительных пространствах Восточной и Юго-Восточной Европы, чему способствовало принятие христианства от Византии в Болгарии, сербских княжествах, на Руси. Стало складываться «византийское сообщество государств» (термин Д. Оболенского¹⁵). Это обстоятельство и то, что Византия находилась в сложной ситуации выбора новой парадигмы дальнейшего развития, способствовало появлению ряда «возрождений» (Македонское: 867-1056; Комниновское: 1081-1185)¹⁶. К тому же на всех землях государства окончательно восторжествовало христианство, соответствовавшее Никейскому «символу веры», принятому на Втором Никейском вселенском соборе 381г. и подтвержденному на Четвертом Халкидонском вселенском соборе 451г.

Византия «дрейфует» в сторону славянского мира. Славяне ее признают в качестве сверхдержавы того времени, хотя сначала и стараются «прибивать щиты к воротам Цареграда». Византия не остается в долгу и помогает становлению славянской государственности. Впрочем, делала она это не без корысти, ибо за время Великого переселения народов убедилась, что не управляемый и не оформленный «варварский» мир опаснее. Славянские государства становятся своеобразным санитарным кордоном, буфером между «цивилизацией» и бурлящей «дикостью». Все империи, начиная с Римской, понимали это и стремились отгородиться от чужого «мира» такой стеной.

В результате можно видеть существование в это время четырех зон, специфических по своему развитию и его перспективам: Запад, Восток и располагавшиеся между ними Византия и Славянский «мир». Вероятно не трудно было предвидеть, что уже здесь закладывается одна из отдаленных предпосылок будущего исчезновения византийской цивилизации, которая не могла пойти по пути конвергенции ни с одной из этих зон. Если бы это по каким-то причинам и произошло, исчезновение Византии тоже было бы неизбежно, слишком самобытной была ее культура. Если воспользоваться «химическим» примером, не все жидкости могут смешиваться.

¹⁴ *Культура* Византии. Вторая половина VII – XII вв. М., 1989. С. 8.

¹⁵ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500 – 1453. L., 1974; *Литаврин Г. Г.* Рец. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 180 – 185.

¹⁶ Под «*возрождением*» в данном случае понимается не определенная «страница» в истории той или иной культуры, а некоторого рода закон культурного развития. Более подробно см.: *Пиков Г. Г.* Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002. Глава 4. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры.

Пока же особое «мировое» положение Византии сохраняется, она остается «золотым мостом» между Западом и Востоком. Превратившись в торгово – аграрный организм, она получает возможность не торопиться переходить на более интенсивный вариант развития, спекулируя на своем контроле над торговым «перекрестком». Это тоже было одним из замедляющих развитие факторов и Византия по этой причине тоже все более отрывается от набирающей темпы развития Европы. Фактически она играет роль регулировщика между несколькими мирами (славянский, арабский и западный, с которым восстановила связи, отказавшись от иконоборческих представлений).

И хотя государству приходилось напрягать все силы в борьбе за собственное существование и выживание, у нее были основания держаться идеалов божественного всемогущего императора и священной империи, воплощавшей «царство божие» на земле и имевшей право на мировое господство¹⁷.

В этот же период стартуют те процессы на Востоке, которые станут «последней соломинкой» для ослабевшей Византии в XV веке. Их тоже надо рассматривать на широком историческом фоне.

Период X - XII вв. тоже занимает особое место в истории Евразии. Практически все регионы этого полицентричного мира вышли на новый виток своего развития. К началу II тыс. н. э. все пригодные для земледелия и скотоводства территории были поделены и стала ощущаться острая нехватка земли. Ценность ее резко повышается. Она либо становится основным видом богатства (Европа), либо роль ее и связанного с ней земледелия резко повышается (Византия, Дальний Восток, Южная Азия). Происходит существенный рост населения, близкий к демографическому взрыву. Образуются региональные центры (Дальний Восток, Индия, арабский халифат, Русь, Византия, Западная Европа). Наряду с ростом значения земледелия повышается роль войны как средства решения широкого комплекса политических, социальных, экономических, демографических, религиозно-идеологических проблем. В отдельных районах начинает играть более заметную роль городская экономика, основой развития которой пока являются только торговля и отдельные ремесла, как правило, обслуживающие торговлю. Земледелие и городская экономика не в состоянии были стать эффективными средствами решения этих проблем. Отсюда резко повышается потребность в государстве как регуляторе отношений различных этносов, пестрых социальных групп, экономических укладов, культур и языков. Государство же начинает играть роль организатора широкой внешней экспансии как традиционного для феодально-аграрной экономики метода приведения в соответствие ресурсов и потребностей.

На Западе начинаются межрегиональные войны (войны графств, герцогств и королевств), усиливается противостояние светской и духовной властей (борьба за инвеституру, иконоборческое движение), организуются завоевательные походы (образование Священной Римской империи в 962г. с ее расширением в сторону «итальянского коридора», ведущего в Левант, Реконкиста, Крестовые походы, натиск на славян, завоевание Англии, походы викингов). На Востоке образуются достаточно долговечные и могущественные империи (Сунская империя, усиление домов Фудзивара, Тайра и Минамото в Японии, Аббасидский халифат, Фатимидское государство).

Именно в этих условиях происходят существенные изменения в мусульманском «мире». На смену Омейядскому халифату (661 – 750), создававшемуся с помощью завоеваний и грабежа, приходит Багдадский (Аббасидский, 750 - 1258), представлявший собой конгломерат этногеографических, экономических и государственных зон: на территории Хорасана - эмират Тадиридов (821—873), Средней Азии - эмират Саманидов (875—999), Туниса и Алжира - эмират Аглабидов (808—909). В 868 г. захватил власть в Египте наместник халифа из числа тюрок-гулямов (династия Тулунидов 868—905). Политическая

¹⁷ *Удальцова З. В., Котельникова Л. А.* Власть и авторитет в средние века // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 3 – 16.

ситуация в халифате в конце IX в. осложнялась восстаниями зинджей (чернокожих рабов из Занзибара, 869 г.) и карматов. Буиды в 945 г. захватили Багдад и окончательно лишили халифа светской власти. Он остался духовным главой лишь для суннитов. Это вызвало на Ближнем Востоке эффект полицентризма, начинается калейдоскопическая чехарда эмиратов и султанатов. Ислам идет в «куст», т. е. начинает разветвляться и эти направления тоже были связаны с определенными этно - географическими районами. Естественно, что резистентность (сопротивляемость) мусульманской арабской системы начинает терять свою стойкость. К XI в. «арабский» суперэтнос распадается окончательно.

Причины этого, разумеется, были связаны и с существовавшими с древности этно-географическими зонами, и со спецификой феодального общества, для которого характерна максимально децентрализованная и локальная экономика. В то же время можно видеть еще один существенный фактор, также ставший одной из причин будущего падения Византии. Если воспользоваться идеями Л. Мечникова, можно говорить, что на протяжении средневековья происходит переход от «морского» («средиземноморского») варианта развития цивилизации, пришедшего в свое время на смену «речному» (античному ойкосному, т. е. замкнутому) к «океаническому»¹⁸. Ситуация перенаселения вынуждала «миры» либо усиливать давление друг на друга (мусульманско-христианские, немецко-славянские конфликты и др.), либо ориентироваться на океаны (Дальний Восток – государства-династии Юань, Мин, Цин с ориентацией на восточное тихоокеанское побережье; арабы, развивающие «мореходство» по Индийскому океану; Запад, где начинают складываться «атлантические» нации). Если раньше векторы экономической активности различных «миров» были устремлены на внутренние районы Евразии и задействованы на взаимную торговлю, то теперь они начинают разворачиваться на 180 градусов. Это станет особенно заметно в XV – XVI вв., но начало, хотя и не очевидное, этого процесса надо искать уже в событиях X в.

Этнические процессы незаметно начинают принимать иной характер. Тюркские племена или окончательно вытесняются из прежних регионов своего обитания, либо сами уходят в «глубины» Азии. Они максимально оттягиваются из восточноевропейских степей и Восточной Азии. С X в. начинается мощная экспансия монголоязычных и тунгусо-маньчжурских племен на северные окраины Китая, результатом чего станет возникновение трех великих империй – Железной империи киданей (Ляо, 907 – 1125), Золотой империи чжурчжэней (Цзинь, 1125 – 1234), Небесной империи монголов (Юань, 1279 – 1368). Налицо апогей противостояния двух тенденций «мироустройства» – кочевой и оседлой (в Восточной Азии: Ляо – Цзинь – Юань – Цин (Чистая); Суй – Тан – Сун – Мин; Ближний и Средний Восток – халифат, Византия и тюркские племена). «Цветная» линия полукочевых государственных образований находилась в перманентном конфликте с созвездием оседлых государств, делавших акцент на постоянном возвращении к «древним» традициям и паттернам. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественно-экономических систем. Первый связан был с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй - тюркоязычных народов. Можно сказать, что этот этап, когда на авансцену выходит конгломерат монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов, начинается именно с киданей. Закончится он разделом Россией и Китаем Центральной Азии на соответствующие сферы влияния в XVIII в.

Японский историк Тамура Дзицудзо¹⁹ в свое время выделил два больших цикла в истории Евразии: 1) древние империи кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в.

¹⁸ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки // Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 329, 335, 337 – 338.

¹⁹ Tamura Jitsuzo. Chugoku seituko ocche-no kenkyu (Study of Conquest Dynasties in China). Vol.1-3. Kioto, 1974. (In Japanese).

до н.э. – IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; 2) средневековые завоевательные династии из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зоны (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Древние империи взаимодействовали с оседлыми государствами, в частности с Китаем на расстоянии, средневековые завоевывали земледельческий Юг.

После образования киданьской империи племена, не желавшие подчиниться, ушли на запад. В 924г. Абаоцзи «на западе захватил древние земли туцзюэ» и в итоге огромная киданьская армия продвинулась на запад вплоть до территории обитания «племен иртышских гор». Этот поход стал одним из самых мощнейших импульсов к активным перемещениям евразийских кочевников.

Если восточно-азиатские кочевники свою экспансию направили в сторону богатого землями и товарами Китая, то в центре Азии усиливается натиск тюркских племен. Прорыв политической границы ислама тюрками произошел примерно в 1000г.²⁰ Эти кочевники идут не к океанам, а внутрь континента. Причины их экспансии многообразны. Здесь не только вытеснение их с «насиженных мест», но и стремление решить свои проблемы за счет захвата добычи или переселения на новые земли. У многих племен идет процесс седентаризации (оседания на землю) и они нуждались в «хлебных» районах. Эти этнические чуждые Ближнему Востоку и более «примитивные» пришельцы, разрушая производительные силы и перенося свои привычные формы жизни фактически еще больше тормозили процесс экономического развития. Они принимают ислам, но активно вытесняют своих единоверцев – «арабов». Не шли вглубь материка и европейцы, поэтому тюркам практически никто не мешал, кроме «арабов». Хотя ислам не представлял в то время единое целое, жители халифата воспринимали новых адептов великой религии как «варваров» и на первых порах даже разрушителей религии. Этот новый «героический» ислам действительно впитал множество идей, представлений и обычаев тюрков, имевших древнюю самобытную культуру, которая вступала в синтез с «мировой» религией. Сам ислам некогда возник в кочевой среде, поэтому легко распространялся среди них²¹, да и тюркский шаманизм хорошо сочетался с суфизмом²². Тюрки выстраивают в результате свой социо – культурный синтез, что стало одним из стимулирующих факторов для процесса «окраинизации» - возрождения местных культур в рамках султанатов (кочевыми были династии Сельджукидов, Альмохадов, Альморавидов, Саманидов, Газневидов, Караханидов, Керманский, Румский, Хорасанский и Иракский султанаты). В 1055 г. предводитель огузов Тогрул-бек захватил Багдад, заставив халифа дать ему титул «султана Востока и Запада». В начале XIII в. хорезмшахи объединили под своей властью значительную часть Средней Азии и Ирана, Афганистан и даже Азербайджан. Однако дальнейшие политические успехи тюрков были остановлены монгольским нашествием.

Государства, входящие в состав Багдадского халифата, слабы и их оборона оказывается в руках иноземных гулямов – «удальцов» (тюрки, зинджи) и внутренних реликтовых этносов (дейлемиты, берберы)²³. Уже завоевание Мавераннахра (области «за Аму-Дарьей») способствовал притоку тюркских рабов на службу. По сообщению ал-Мукаддаси, в 985 г. ежегодный налог Хорасана составил 12 тыс. рабов²⁴. Ибн Халдун даже именует тюрков «благородными дикарями». «Варваризация» халифата (явление, характерное для всех

²⁰ *Казн К.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950 – 1150. М., 1981. С. 118.

²¹ *Казн К.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950 – 1150. М., 1981. С. 112.

²² *Босворт К. Э.* Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950 – 1150. М., 1981. С. 32.

²³ *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 35.

²⁴ *Босворт К. Э.* Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950 – 1150. М., 1981. С. 23.

имперских образований) стала одной из предпосылок усиления его упадка и будущего падения. Другие факторы отмечали многие средневековые авторы. Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй, современные западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории»²⁵. Невольно вспоминается и концепция Ибн - Хальдуна (1332 - 1406)²⁶, в соответствии с которой кочевники создают асабийю (систему родственных групп с общими интересами, захватывают земледельцев и эта асабийя становится «ксенократическим» государством (государством чужих), которое существует 3 - 4 поколения (ок. 120 лет). Первое поколение - захватчики, второе живет в цивилизации, т. е. в изнеженности и роскоши. Затем асабийя раскалывается, проявляется сепаратизм и в конечном итоге достается «держава не тем, кто ее создавал, а слава - не тем, кто ее добывал». В третьем поколении увеличивается тяга к роскоши и начинается энтропия власти «пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

Крупнейшим ударом по Византии стали события, центром которых были так называемые Крестовые походы. Они стали результатом действия не только внутриевропейских факторов, но и попыткой «арабских» мусульман решить проблему тюркской экспансии. Они, если и не натравили крестоносцев, то позволили им прийти на Ближний Восток и, только увидев, что те не собираются ограничиться только «гробом господним», вынуждены были объединяться для отпора (Салах ад-Дин). Византия, оказавшаяся в тяжелом положении, тоже рассчитывала использовать Запад, но крестоносцы нанесли ей смертельный удар, захватив Константинополь и основав на развалинах империи несколько государств (период «империи в изгнании», 1204 - 1261). События 1204 г. вызвали «жестокий спазм на Западе и Востоке»²⁷. Они лишней раз «доказали» византийцам, что «коварных латинян» надо постоянно опасаться²⁸. Тем не менее около двухсот лет европейцы играли роль «голубых касок» и не давали тюркам существенно продвинуться. За это время они смогли однако нанести и существенный урон производительным силам региона, что также объективно способствовало замедлению его экономического развития²⁹.

В XIII в. произошли события, которые стимулировали изменение этнической картины Среднего Востока. Монгольские тумены начинают войну на два фронта, устремляясь на китайские равнины и среднеазиатские долины. Одним из печальных итогов монгольской экспансии станет фактический разгром торгового пути, который шел из Европы и Византии через Среднюю Азию на Дальний Восток. Европейцы и византийцы на протяжении почти всего столетия будут делать попытки восстановить эту артерию, но в условиях ослабления экономического интереса становящихся «океаническими» цивилизаций возврат прежнего положения был уже невозможен. «Номадизация» региона усиливалась. Средний Восток все более и более «пустеет». «Конница кочевников («сверхтанки прошлых лет»³⁰) уничтожает все на своем пути. 40-миллионное население Ирана, например, сократилось более чем в 4 раза³¹. Арабский халифат окончательно исчезает (1258). Идея «халифата» к этому времени окончательно деградировала. Она менялась постоянно и со времен Айюбидов у суннитов

²⁵ *Васильев Л. С.* Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая //Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972.

²⁶ *Бацьева С. М.* Историко - социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965; *Игнатенко, 1980 - Игнатенко А. А.* Ибн - Хальдун. М., 1980.

²⁷ *Гумилев Л. Н.* В поисках... С. 184.

²⁸ *Культура Византии.* Вторая половина XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 7.

²⁹ *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1992.

³⁰ Цит. по: *Лавров С.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000. С. 172.

³¹ *Гумилев Л. Н.* Черная легенда: друзья и недруги Великой Степи. М., 1994. С. 479.

вообще не было общепризнанной доктрины халифата³². Наиболее развитой была концепция аль-Маверди (991 – 1058), но она постепенно утратила силу. Стали появляться и побеждать разноречивые концепции аль-Газали (1059 – 1111), Ибн Халдуна (1332 – 1406) и Джалаль ад-Дина Даввани (1427 – 1501). По мнению Х. Гибба, считалось, что халифат длился только 30 лет, а после этого был лишь имамат, к которому по традиции прилагались халифские титулы³³. Главой становился тот, кто был самым могущественным и мог в качестве гази (борца за веру) защитить ислам от неверных. Имам был одновременно и султаном, т. е. осуществлял функции светского и духовного руководителя общины, т. е. распространял правду Божью на земле³⁴. Он получал почетное звание «защитника ислама и шариата, покровителя наук и искусств». Таковы были Тимур (1370 – 1405), его сын Шахрух (1405 – 1447), узбек Шейбани (ум. В 1510г.). В середине X в. персы Буиды захватили политическую власть в центре и свели роль халифа к функции «жреца».

С к. XII в. главенствующее положение заняли правители Египта. В. В. Бартольд³⁵ утверждал, что их титул «султан ислама» сливался с понятием об «имаме» и «халифе» и поэтому они руководили хаджем, покровительствовали священным городам (за что получали особый титул «хадим аль-хурамейн», т. е. служитель обоих священных городов), его впервые принял на себя Салах ад-Дин) и имели исключительное право отправлять махмаль (паланкин) со священным покрывалом для Каабы (символ первенства в средневековом исламе). Право мамлюков оспаривали однако другие правители (Тимур, Шахрух, «нечестивые» туркменские султаны из династий Кара Коюнлу и Ак Коюнлу). Конфликты внутри мусульманского мира были острее, чем между мусульманским и христианским мирами³⁶.

Монгольская империя оказалась непрочной, Монголы растянулись длинным каплеобразным поясом Китай – Монголия - Сибирь – Русь, слишком растянутым и к тому же в силу ориентации на океаны быстро дробившемся. В конечном итоге судьба монголов предрешена: они частично откатываются в пределы Монголии, а частично входят в состав славянского мира, идя по пути прежних соседей Киевской Руси. Монголы сменили «Дикое поле», т. е. произошел переход от враждебности к состязанию и симбиозу³⁷. Эти соседи стали восприниматься «нашими погаными», «надобными Руси»³⁸.

Монголы пытались вступать в союзные отношения с тюркскими владениями, но «движения народов под предводительством Чингисхана и Тамерлана... все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет жизненного начала»³⁹. XIII век вообще стал несчастливый и для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по земле⁴⁰. Удар Тамерлана и его «гулямов» (удальцов, т. е. профессиональных воинов с железной дисциплиной) довершил начатое Чингисханом.

Монголы не смогли создать долговременных государственных образований и потому, что, отказываясь от своих традиционных верований, они сложно воспринимали те «мировые» религии, с которыми познакомились во время своей экспансии (конфуцианство,

³² Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 15 – 78. «Предположение, что она существует, не подкрепляется ни в сочинениях самих юристов, ни в психологии суннитского ислама» (Gibb Hamilton A. R. Studies on the Civilisation of Islam. Boston, 1962. P. 148).

³³ Gibb Hamilton A. R. Studies on the Civilisation of Islam. Boston, 1962. P. 145.

³⁴ Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 43.

³⁵ Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 77.

³⁶ Большаков О. Г. Византия и халифат в VII – X вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001. С. 367.

³⁷ Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1970. См. также: Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. № 3.

³⁸ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М., 1993. С. 365. «Без «татарщины» не было бы России» (П. Савицкий); Лавров С. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000. С. 285.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. М., 1935. С. 85.

⁴⁰ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 165.

ислам, христианство). Ислам они знали прежде всего в «тюркской» интерпретации. Этот «героический» ислам был годен для завоеваний, но не для стационарных государств. Еще советник Чингисхана утверждал, что завоевывать можно, сидя на коне, но управлять, сидя на коне, нельзя. Попытки принять его на более или менее длительный период все же были, но были связаны так или иначе с политикой верхов общества. Процесс исламизации широких слоев населения шел гораздо сложнее. Можно говорить о достаточно глубоком в то время противоречии между менталитетом монголов и «мировой» идеологией. Менталитет как матрица есть совокупность разного рода установок социальной и этнической общности действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Он формируется спонтанно, как «естественный» способ когнитивного и аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма «естественных» чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же как более «высокий» элемент общественного сознания разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этно-социальной группы. Ценностные ориентации же этнических общностей кристаллизуются, прежде всего, в религиозных верованиях (М. Вебер, Н. А. Бердяев, А. Панарин). В государствах монголов буддизм оказался во многом ближе к традиционным ценностям и менталитету кочевников, тогда как ислам был более понятен и привычен для «оседлого» сектора. Два «учения» находились в ситуации длительного конфликта и в этих условиях быстро создать единую идеологическую систему было сложно, если вообще возможно. В итоге монгольские потоки начинают разветвляться и оттягиваются в область тогдашних «мировых» религий (конфуцианство (Китай и Монголия); христианство (Русь); ислам (Сибирь, Средняя Азия).

В результате в XII – XIV вв. в Азии складываются три больших пояса: на севере русско – монгольско – китайский, на юге – арабско – мусульманский. Внутренние районы оказались вакуумом, куда еще стремительнее стали втягиваться тюркские племена, уже с конца XIII века. Начинается поголовное истребление христиан, которых щадили Омейяды, Аббасиды, Фатимиды, Эйюбиды. Но произошло парадоксальное: вместо христианской культуры пришла не классическая мусульманская, а «героическая» тюркская, еще в принципе слабо исламизированная. Появилась «этнокультурная руина»⁴¹. Монголы и Тимуриды нанесли огромные разрушения, но здесь положение ухудшалось еще больше. Покинутые поля можно было восстановить, разоренные – практически нет, а ведь были еще и парализованы экономические связи. Номады проникали и на свободные земли, но в любом случае становились преградой для налаживания этих связей.

Тюрки и монголы («индейцы» Евразии по словам Л. Н. Гумилева⁴²) стали восприниматься Европой в качестве врагов цивилизации, но европейцы не торопились поддержать стремление Руси не допустить распространение тюркской экспансии на запад. Европа не верила православным и продолжала «натиск на Восток». Даже в XIX в. это оправдывалось: «бороться с турками с такими союзниками варварами то же, что изгонять беса силою Вельзевула»⁴³. По словам Астольфа фон Кюстина, «и под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохраняет медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь». Романо-германская католическая Европа православные страны объявила своими противниками еще в XIII в.

Первые волны тюркоязычных племен в Малой Азии датируются еще эпохой Великого переселения народов, но тогда власть византийских императоров была сильна и эти племена достаточно быстро ассимилировались местным населением. Иное положение сложилось

⁴¹ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 178.

⁴² Лавров С. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000. С. 269.

⁴³ Мюллер А. История ислама. СПб., 1896. Т. 3. С. 259.

здесь в начале II тысячелетия н. э., когда ослабленная Византия уже не могла оказывать активного сопротивления вторжениям извне. Ей все чаще приходится «поворачиваться лицом к Востоку, отступая на Западе»⁴⁴. В конце XI в. правители сельджукского Румского султаната, потерпев поражение от крестоносцев, перенесли свою столицу в глубь Анатолии, к границам Византии. Тюрки-огузы (этническое ядро султаната) и постепенно тюркизовавшееся под их воздействием местное население (греки, армяне, частично грузины, персы) — вот компоненты будущего населения Турции. Центробежные тенденции в султанате вели к усилению власти беев, чему способствовали также восстание сектантов-шиитов XIII в. и вторжение монголов, приведшее к окончательной гибели султаната. Он распался на десять бейликов, из которых на рубеже XIII—XIV вв. усилился западный, принадлежавший бею Осману, который с 1299 г. стал правителем Османского эмирата. Отдаленность от монгольского государства ильханов и близость к слабеющей Византии определили политику Османа. Откупаясь от монголов данью, он постепенно стал присоединять малоазиатские провинции Византии. Поскольку тюрки рвутся не только в «хлебные» районы, но и к Средиземному морю, именно османский бейлик становится основной ударной силой экспансии, а Византия главным ее объектом. Османы называли себя «уч бейлери» («фронтовые беи»), защищавшие границы всех мусульман. Преемники Османа продолжили его завоевания, перенеся их на Балканы. На протяжении второй половины XIV в., особенно после печально известного сражения на Косовом поле в 1389 г. и разгрома объединенного войска крестоносцев в 1396 г., османы захватили большую часть Балкан и даже штурмовали Константинополь в 1400 г. Дни Византии были сочтены. Она фактически осталась один на один с этой опасностью. Не могла помочь и православная Русь, которая вела тяжелую борьбу за объединение своих земель⁴⁵. В 1346 г. мятежный Стефан Душан провозгласил себя «царем сербов и греков». На островах и в самом Константинополе хозяйничали генуэзцы и венецианцы⁴⁶. На протяжении последних 40 лет своего существования Византия фактически являлась вассалом Османов. Она была вынуждена поставлять рекрутов в османскую армию, а византийскому императору приходилось лично являться по зову султанов. Некоторые члены правящего византийского дома даже носили двойные греко – тюркские имена (Михаил Асаqutlu Комнин), в быту вводились варварские термины, элементы восточного календаря⁴⁷.

После ее крушения османы начнут стремительно продвигаться по европейской территории: 1459 – Северная Сербия, 1463 – 1466 Босния и Герцеговина, 1470 – Черногория и Албания. Половина войска, осадившего Константинополь в 1453 г. (около 50 тысяч) были выходцами из земель европейских вассалов Мехмеда II – Болгарии, Сербии, Греции⁴⁸. Султан Мехмед II поклялся, что будет кормить овсом своего коня на престоле Св. Петра⁴⁹. Папа Пий II скажет: «я не вижу на горизонте ничего хорошего»⁵⁰.

Однако одной внешней опасности для сокрушения такого государства было мало⁵¹. Запад все больше отдалялся от Византии, его отталкивала ее евразийскость⁵². Он ее практически переставал считать своей: в Атласе Меркатора (1595) восточной границей

⁴⁴ *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII – XVII вв. М., 1973. С. 113.

⁴⁵ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV - XV вв. М., 1975.

⁴⁶ *История Византии.* М., 1967. Т. 3. С. 286.

⁴⁷ *Шукуров Р. М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 216 – 217, 220, 221.

⁴⁸ *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки – потрясатели Вселенной (История великих империй). Новосибирск, 2001. С. 569.

⁴⁹ *Крымский А.* История Турции и ее литературы. От расцвета до начала упадка. М., 1910. С. 205.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 189.

⁵² *Кожин В.* Византийское и монгольское «наследство» в судьбе России // Российский обозреватель. 1996. № 3. С. 103.

Европы была обозначена граница католического мира. Само падение «Эллады» в Европе воспринималось неоднозначно: «отыскивались большие группы людей, которые, каждая в силу далеко не одинаковых соображений и настроений, не только без ужаса помышляли о грозящей возможности турецкого нашествия и завоевания, но даже прямо желали этого»⁵³. Распространялись мифы о благополучии христиан в Турции⁵⁴. Мусульмане же ликовали. Взятие Константинополя было отмечено в Каире как победа всех мусульман.

Эти две части «христианского мира» стали практически жить своей жизнью. Если на Западе идет бурное социальное и национальное развитие, то в Византии налицо этническая чехарда. Европа накапливает силы для решающего рывка за океаны, а в Византийской империи продолжает стремительно таять жизненное пространство. В Европе осуществляется целенаправленная экономическая политика, основанная на идее научно-технического прогресса (технические и организационные улучшения), а на Востоке это не нужно, т. к. от крестьянства, ремесленников и купцов получали достаточные доходы⁵⁵. В Европе распространялась рациональная наука и связанная с ней рациональная технология, что осталось неведомо Востоку, в том числе и византийскому⁵⁶. Здесь распространена была т. наз. хозяйственная эсхатология. Византия не видела иного варианта развития, а прежний «буксовал». Проповедь «конца» экономики была важнейшим фактором идеологической легитимации правления авторитарных режимов. Продолжал сохраняться мультицентризм хозяйственной и социально – политической структуры. Для византийского Востока, как и для Запады, тоже характерна конфронтация товарно-денежных рыночных и административно - распределительных механизмов экономической жизни, но здесь она как правило приводила к победе вторых.

Несмотря на наличие крупных городов, развитого денежного хозяйства и нередко более высокой, по сравнению с Западом, культуры, в византийском феодализме невозможно обнаружить существенные предпосылки для социальной эволюции в направлении капитализма. Более того, развитие товарно-денежных отношений здесь способствовало усилению центральной власти, так как позволяло содержать крупные наемные армии.

Феодализм — это иерархия, базирующаяся на дистрибутивной экономике. Новое качество товарно-денежные отношения стали приобретать только в рамках полицентричной западноевропейской модели, постепенно вытесняя распределительные механизмы рыночными. В Византии же сохранялась моноцентричная феодальная модель. Более того, благодаря проникновению тюркских и мусульманских традиций усиливался деспотизм, не ограничивавшийся традицией или юридической нормой. Шариат не вмешивался в экономическую сферу. Не было наследственного сословного деления подданных: по отношению к власти все равны, ибо все рассматривались в качестве рабов⁵⁷.

Развитие Западной Европы и Востока, в том числе уже и Византии, можно представить более выпукло при сопоставлении в динамике. И. М. Смилянская отмечает, что «эволюция ближневосточного общества отличалась замедленными темпами. Помимо общего отрицательного воздействия на развитие производительных сил неблагоприятной демографической ситуации и связанных с ней признаков экологического кризиса, наблюдавшихся в этом районе в позднее средневековье и на рубеже нового времени и проявившихся в сокращении массива пригодных к обработке земель (что вызвало наступление кочевого населения на земледельческие районы), на темпы социально-

⁵³ *Крымский А.* О «туркофильстве» Европы и Московской Руси XVI в. // История Турции и... С. 151.

⁵⁴ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516 – 1574. М., 2001. С. 22 – 28.

⁵⁵ *Зарин В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV – XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. С. 13.

⁵⁶ *Weber M.* General Economic History. N. Y. 1964. P. 232-233.

⁵⁷ *Витол А. В.* Османская империя (начало XVIII в.) М., 1987; *Иванов Н. А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 133 – 149.

экономического развития воздействовали специфические черты общественного строя. Консолидация господствующего класса на базе государственного аппарата позволяла поддерживать высокий уровень эксплуатации налогоплательщиков (этому же способствовал механизм налогообложения: долевым разделом урожая и изменение денежных налоговых ставок вместе с переменами денежного курса). Происходившее время от времени разорение крестьян обуславливало относительную стагнацию производительных сил в сельском хозяйстве. Высокий уровень эксплуатации земледельцев и централизованный характер распределения прибавочного продукта затрудняли вовлечение крестьянского хозяйства в рыночные связи. Государственные регламентации городской экономической жизни, экономическая и внеэкономическая эксплуатация городского торгово-ремесленного населения затрудняли накопление капитала торгово-ремесленными верхами. Открытый характер господствующего класса создавал возможность для торгово-ремесленной верхушки, предпочитавшей участие в феодальной эксплуатации налогоплательщика вложению средств в предпринимательство, пополнять ряды господствующего класса»⁵⁸. На Западе и на Востоке были представлены таким образом два принципа бюрократии: европейская бюрократия была подконтрольна обществу, византийская стояла над ним. Высокий уровень централизации гарантировал экономические и финансовые поступления из периферии в центр (налогообложение, монополия государства в торговле и др.). Представители гражданской и военной бюрократии стали больше воровать этих поступлений, особенно в условиях внешнеполитической напряженности. Непомерно разбухали военные расходы, превышая допустимую норму, что тоже способствовало усилению внутренней напряженности.

На Востоке и Западе сложились и в результате столкнулись три типа правления (по М. Веберу): рационально-легальное, традиционное и харизматическое (это, разумеется, идеальные типы правления, логические конструкции). Легальное правление было представлено в Европе - это строй, основанный на твердо фиксированном рациональном праве. Распространен был широко в феодальном обществе, но продолжал эволюционировать в сторону все большего усиления правового начала. В Византии эта эволюция была замедленной. Феодальная модель общества застыла на одном уровне, тогда как Европа вышла уже на другую ступень. В то же время на территории восточного государства распространялся и вариант харизматического⁵⁹ правления, более характерного для тюрков⁶⁰.

Повлиял на судьбу империи и конфликт между церковью и администрацией. На Западе и на Востоке это не было большой проблемой. В тюркском исламе существовала идентичность политической и религиозной сфер, в Европе – сочетание двух иерархий (светской и церковной), оформленное в доктрину «двух мечей»⁶¹. Для Византии характерен цезарепапизм (термин эпохи Просвещения): император мог сместить константинопольского патриарха и вмешаться в догматические споры. Идеологическое единство, крайне необходимое в условиях растущей опасности, отсутствовало. В стране складывалась идейная

⁵⁸ *Смилянская И. М.* Социально – экономическая структура стран Ближнего Востока. М., 1979. С. 193 – 194.

⁵⁹ Это переходный тип. М. Вебер распространил понятие харизмы из сакральной сферы в социальную. Для этого типа характерно обожение человека и появление типа родоначальника – «вождя». Здесь не работает закон или традиция. Человек сам творит их. Достаточно вспомнить характерные слова И. Христа «написано, но я говорю вам». Такими лидерами были Моисей, Иисус Навин. На этом принципе часто основывалась военная диктатура. Здесь налицо противопоставление «традиционное – рациональное». Харизму можно рассматривать как явление, сопровождавшее мутацию биологических видов, а традицию как своего рода селекцию. *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft*. Bd. I. Tübingen, 1956. S. 140; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 200. С. 176 – 183.

⁶⁰ Тюрки фактически находились на стадии формирования ранних военных государств в отличие от «арабов», у которых халифат представлял собой форму монархической теократии. См. об этом: *Buber M.* *Werke*. Bd. 2. Munchen, 1964; *Wellhausen J.* *Das arabische Reich und sein Sturz*. Berlin, 1902.

⁶¹ *Чичерин Б. Н.* История политических идей. Ч. 1. Древность и средние века. М., 1869. С. 135 – 157.

децентрализация⁶². В стране распространялись гуманистические идеи, характерные для переходных этапов развития общества⁶³ (в частности, идеи Г. Г. Плифона⁶⁴), росли пацифистские настроения, а ведь «развитие антимилитаристских идей порождается обычно гибнущими этносами» (Широкогоров)⁶⁵. Развитие гуманистических идей приводило и к такому феномену, когда акцент делался не на осмыслении раннехристианского опыта, как в период Реформации в Европе, а чаще простом его копировании. Этот своеобразный фундаментализм, отчасти напоминающий подход монахов августиновского ордена в XIII в., с которым как с «правым уклоном» боролся Фома Аквинский, был обусловлен кризисом христианства и его сложным взаимодействием с широко распространяющимся на землях империи исламом. Этот «византизм» В. С. Соловьев считал одной из существенных причин всестороннего кризиса византийского общества: «это все равно, как если бы мы, например, духовное предание, связывающее нас с каким-нибудь великим писателем, отделили от содержания и внутренней формы его творений и приурочили исключительно к весьма несовершенной типографической внешности старых его изданий, которые бы мы и старались с буквальной точностью воспроизводить, в этом полагая весь долг нашего уважения к великому автору».

В итоге можно говорить о нарушении баланса почти всех подсистем общества - экономической как средстве адаптации к окружающей среде, политической, определяющей цели, бюрократической (социальный контроль и право как ее основы), культурной (собственно культура, религия, этика и др.).

Европейские «атлантические нации», прежде всего Англия, Франция на основе научных и технических достижений и военного превосходства (испанцы боролись с примитивными индейцами и это не стимулировало развитие военного дела) начали борьбу за передел Европы и мира (30-летняя война, Итальянские походы), приступили к вытеснению испанцев в Америке, заселение Северной Америки. В отличие от Востока в Европе войны происходили между государствами, находившимися примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития, и хотя вели к значительным людским и материальным потерям, не сопровождалась рефеодализацией общественных структур. На Ближнем же Востоке нашествия кочевых племен обуславливали нестабильность государственных образований и примитивизацию экономических отношений. Это приводило к примитивизации общественного строя, разрушению ирригационных систем и очередной волне феодализации.

Византия была в стороне от идущих в Европе процессов, что конечно не стимулировало ее развития. Даже такая страна, как Испания получила выгоды от Великих Географических открытий, создав так наз. «Латинскую Америку», куда перенесла свои феодальные порядки и превратила ее в свой «огород». Италия же, традиционный торговый партнер Византии, не могла пробиться через испанскую стену, что не могло не сказаться на экономическом положении империи.

На востоке макроэкономическая ситуация тоже менялась. Существенным фактором здесь становилась складывавшаяся национальная и религиозная рознь между тюркской военной элитой и товаропроизводящими группами населения, усиление внеэкономического принуждения и давление на непосредственного производителя, что в конечном счете вело к разрушению производительных сил. Эта особенность тюркского мусульманского феодализма может рассматриваться как долгосрочный фактор развития данного региона.

⁶² *Культура* Византии. Вторая половина XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 9.

⁶³ *Пиков Г. Г.* Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002. Глава 4. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры.

⁶⁴ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV – XV вв. Л., 1976.

⁶⁵ Для «Палеологовского возрождения» в целом характерно «ощущение острой тревоги». См.: *Культура* Византии. Вторая половина XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 9.

Усиливало трансформационные процессы и проникновение в акваторию Индийского океана европейцев. Эта экспансия развернется уже после падения Византии, но предпосылки складывались на протяжении всего XV в. Европа к исходу средневековья нуждалась в естественных ресурсах для выживания и давно уже (практически с начала первого тысячелетия) зависела от внешней торговли. Она была слабой окраиной евразийского мира⁶⁶, добываясь изменения природно – географических условий техническими средствами. С XII в. Запад пытается наладить более оживленные отношения с восточными регионами. Он вывозит туда сырье (железо, лес) и рабов, получая взамен готовую продукцию, пряности, текстиль, бумагу, мыло, даже механические часы (в 1378г. их везла венецианская галера). Постепенно, однако, европейцы начинают поставлять и свои товары и изделия, которые (в частности, текстиль) были по качеству хуже арабского, но дешевле⁶⁷.

Попытки завязывания регулярных экономических связей впоследствии будут сменены широким колониальным проникновением и постепенным вытеснением арабов, контролировавших торговые пути вдоль восточного побережья Африки, в Индию до Малакки и Китая (Магеллан застанет мусульманских купцов на Филиппинах). Арабское преобладание в Индийском океане будет ликвидировано⁶⁸ (а на севере их вытесняют турки!). Арабы начнут быстро деградировать в экономическом отношении и Византии на Востоке не с кем будет торговать.

Беда Византии оказалась и в том, что ее падение пришлось на начало Великих Географических Открытий. Ф. Бродель разделил их на «два столетия»: 1450-1550, 1550-1640. Для первого из них (испано – португальского) были характерны феодальные методы решения проблемы перенаселения континента, прежде всего вывод излишков населения за пределы той «клетки», в которой оказалась Европа⁶⁹. Флот был главным орудием этого «исхода», а здесь европейцы существенно опередили все другие евразийские цивилизации. Происходил первоначальный передел (выброс населения, окончательное оформление векторов экономической активности)⁷⁰. На втором этапе такими государствами как Голландия, Англия, Франция будет применяться и раннекапиталистическая экспансия. Если бы Византия уцелела до этого времени, можно предполагать, что европейцы и могли посчитать ее «землей обетованной». Она была отдалена от океанов и осуществлять свою собственную экономическую и колониальную экспансию физически не могла. Она не вошла в состав «океанических» держав и осталась на уровне «морского» государства. Столкнулись два варианта развития: «таласократия» («морское могущество») и «теллуракратия» («сухопутное могущество») (термины евразийца П. Савицкого). Будущее было за первым.

Падение Византии можно рассматривать в качестве одного из признаков окончания передела евразийского мира. С начала XVI в. прогресс в области экономики, техники, технологии, естественных наук, соответствующих идеологий - европейская привилегия. Районы бывшей Византии и Восточной Европы включаются в мировой рынок как полупериферия, специализирующаяся на производстве и поставках сырья для промышленности (железная руда, лес) и сельскохозяйственных продуктов массового спроса (зерно). Тем самым окончательно подрывается целесообразность сухопутной торговли Азии и Европы, падает значение итальянских государств.

⁶⁶ *Зарин В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV – XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. С. 114.

⁶⁷ *Cipolla C.* Before the Industrial Revolution. L., 1981. P. 222.

⁶⁸ Попытки проникновения в Индийский океан предпримет и Китай (экспедиции адмирала Чжэн Хэ в начале XV в.), но в нем были сосредоточены огромные естественные ресурсы и человеческий потенциал и не было необходимости широкой торговли в «южных морях». Государство начнет искусственно ее ограничивать и ориентироваться на Маньчжурию и Приморье, откуда в страну скоро придут новые хозяева - маньчжуры.

⁶⁹ Нечто аналогичное будет наблюдаться и при «освоении» Сибири русскими.

⁷⁰ *Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 105.

Византия не могла играть накануне своей гибели сколько-нибудь значительной роли на международной арене. Это была уже, по словам П. Я. Чаадаева, «жалкая Византия» (*la misérable Byzance*), ставшая лишь тенью прежней мировой державы⁷¹. Однако ее культурное значение в восточнохристианском мире падало медленнее, чем экономическое и военно-политическое⁷² и поэтому попытка выправить положение для нее лежала в церковной сфере. Примерно с последней трети XIV в. византийские императоры пытаются обращаться к религиозным чувствам латинского Запада. Мануил II Палеолог даже совершил с этой целью поездку по Европе (1399 – 1402). Но этот мир уже не был единым. Шло образование национальных государств. Великая схизма (1378 – 1417) нанесла удар по конфессиональному единству. Некоторые силы на Западе тоже рассчитывали поправить свое положение с помощью налаживания отношений с православным миром. Пизанский собор 1409 г. провозгласил папой Александра V, который был греком по происхождению. Ректор Парижского университета Жан Жерзон подсказывал французскому королю Карлу VI, что это обстоятельство надо скорее использовать для объединения двух церквей⁷³. Но нашлись и противники унии. Кардинал Чезарини в 1431 г. заявил, что уния – старая песня, которую поют триста лет и каждый год. Византийцам не простили и то, что они больше полагались на итальянцев, а не на остальные нации (*nationes Gallicana, Germanica et Ispanica*). Гораздо большее значение имело то, что православие фактически было «национальной» религией Византии и максимально полно отражало мировоззрение византийцев⁷⁴.

Византийская культура не была все же уничтожена окончательно. Византия оказалась «почтальоном» для православного мира (И. Г. Эренбург). Усиливается на севере Русь и даже вступает на некоторое время в очередное соперничество с Византией. Она не стала культурной периферией Византии⁷⁵, хотя и признавала Константинополь центром православия («Парижем средневековья»), учитывала «верховное положение византийского императора» и считала его «высшим законодателем для христианского сообщества»⁷⁶. С крещения Руси в 988 г. Константинопольский Вселенский Патриарх был каноническим главою Русской Церкви и до падения Византии Русь была в церковном смысле ее частью с общей столицей Царьградом. Не удивительно поэтому, что египетский султан называл византийского правителя не только императором, но и «Царем Руссов», а византийские источники XIV в. присваивают русскому правителю титул «стольника» византийского императора⁷⁷. Упрочиваются и экономические связи двух государств⁷⁸.

Византийская культура была во многом образцом для подражания на Руси, что способствовало не только непрерывному культурному росту страны на протяжении ряда столетий, но и подготавливало основу для «трансляции» «римской идеи» на славянский север. Эта теория была широко распространена на Западе и на Востоке, став одной из составляющих дихотомии «Юг – Север»:

НОМЕР ТРАНСЛЯЦИИ	“ЗАПАДНЫЙ” ВАРИАНТ		“ВОСТОЧНЫЙ” ВАРИАНТ	
1	476г.	Константинополь	476г.	Константинополь
2	800г.	Каролингская империя	1453г.	Москва (“Москва -

⁷¹ Nicol D. M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261 – 1453*. L., 1972.

⁷² *История Византии*. М., 1967. Т. 3. С. 339.

⁷³ Пашкин Н. Г. Византия и проблема унии как фактор международной политики накануне Флорентийского собора // *Античная древность и средние века*. Вып. 33. Екатеринбург, 2002. С. 281.

⁷⁴ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 19 – 20.

⁷⁵ Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*. Л., 1989. С. 112.

⁷⁶ Чичуров И. С. *Политическая идеология средневековья (Византия и Русь)*. М.: Наука, 1991. С. 15.

⁷⁷ *Россия перед вторым пришествием*. Сост. С. и Т. Фомины, М., 1998. Гл. 10.

⁷⁸ Тихомиров М. Н. *Исторические связи России со славянскими странами и Византией*. М., 1969.

				<i>третий Рим, а четвертому не быти”)</i>
3	962г.	<i>Священная Римская империя</i>		
4	<i>Эпоха Возрож- дения</i>	<i>“Пятый” или истинный Рим гуманистов</i>		

Среди множества примеров духовного единства Руси и Византии можно отметить строительство Софийских соборов в русских городах по образу Царьграда, многочисленные чудеса, связанные с византийскими иконами, становившимися русскими святынями (в XII в. из Царьграда на Русь к Андрею Боголюбскому передается написанная евангелистом Лукой икона Божией Матери, названная Владимирской; в 1382 г. происходит чудо перенесения по воздуху на Русь из Влахернского храма в Константинополе иконы Божией Матери, получившей название Тихвинской). Даже планировка русских городов уподобляла их устройству алтаря православного храма (как земному отражению Града Небесного): золотые ворота как святые, через которые вошел в Иерусалим Христос, и поклонные горы и крещенские иордани. Еще в домонгольский период из 23 митрополитов 17 были греками, происхождение трех было неизвестно, и только трое были русскими⁷⁹. Из Византии на Русь пришел и герб в виде двуглавого орла (символ «симфонии» двух властей). Здесь наблюдалось соперничество с императорами «Священной Римской Империи», тоже использовавшими такой герб. И на Востоке, и на Западе его связывали с Константином Великим, принявшим этот герб в 326 г., Софья Палеолог привезла его с собой в Россию на своих регалиях и поэтому, по мнению В.Н. Татищева и Н. М. Карамзина, в России двуглавый орел получил значение преемственности от Византийского Царства.

После Флорентийской унии (1439), крушения «Второго Рима» в 1453 г. и окончательного свержения ордынского ига (1480) Русь естественно осознает себя преемницей Византии. Так считали не только представители русского духовенства, назвавшие уже Василия II царем «новым Константином», но и иностранцы - от православных болгар и сербов до папы Римского, надеявшегося императорским титулом привлечь Ивана III к походу на турок. Митрополит Зосима в «Изложении пасхалии» (1492) характеризует Иоанна III как «нового царя Константина новому граду Константинову - Москве и всей Русской земле»⁸⁰. Значение Москвы как Третьего Рима выразилось и в признании русского Великого Князя Царем (венчание на Царство с таинством миропомазания Иоанна Грозного в 1547 г.⁸¹; признание Константинополем в 1561 г.), и в каноническом установлении Константинопольским Патриархом русского Патриаршества (1589). В Уложенной грамоте, узаконившей русское Патриаршество, за подписью Константинопольского (Вселенского) патриарха Иеремии II, прямо называется «великое Российское царствие, Третьей Рим». Русский Царь единственный из всех православных

⁷⁹ *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси. Вып. 2. Киев, 1875. С. 32.

⁸⁰ *Синицына Н. В.* Третий Рим. М., 1998.

⁸¹ От Ивана Грозного дошла самая полная формула христианской монархической идеи: «Земля правится Божиим милосердием и Пречистыя Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги».

правителей стал поминаться Патриархами в качестве покровителя вселенского Православия, ибо «сердце цареве в руце Божий».

К XVI в.⁸² возникает понятие «Москва - Третий Рим»⁸³. Старец псковского Елеазарова монастыря Филофей в письме дьяку Мисюрю Мунехину (1523-1524) окончательно вывел эту формулу: «Яко вся христианская царства придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчьским книгам то есть Ромеиское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Таким образом, Москва брала на себя после впадения «Первого Рима» в «католическую ересь» и падения под ударами агарян «Второго» обязанность продолжить существование Римской империи, с концом которой, по книге пророка Даниила, связывали конец мира. Определился и русский общенациональный идеал **Святой Руси**, не встречающийся, по мнению В. С. Соловьева, у других народов, где были свои «идеалы»: «добрая старая» Англия, «ученая» Германия, «прекрасная» Франция, «благородная» Испания. Так сливаются в единую формулу представления о русском и православном. Эта идея стала одной из важнейших культурообразующих концепций, которые отличали русскую цивилизацию от западной. Русская стала считаться христианской удерживающей⁸⁴, западная - христианской апостасийной цивилизацией, то есть отошедшей от Истины⁸⁵.

⁸² **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. Период Македонской династии (867 – 1057). М., 1997. С. 523.

⁸³ Одним из библейских оснований этой формулы стали слова Христа о том, что «отнимется» от евреев «Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Другой основой станет сформировавшийся в Византии в X и XI веке подход, получивший наименование «церковного византизма», для которого характерны определенный традиционализм и буквализм, сочетание местных культурно-религиозных традиций с общехристианскими представлениями и идеями.

⁸⁴ На деле Русь не продолжает, а заменяет «Второй Рим». См.: **Флоровский Г.** Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1983. С. 11.

⁸⁵ Антилатинские настроения на Руси были сильны уже после раскола 1054 г. **Сюзюмов М. Я.** «Разделение церквей» в 1054 г. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 44 – 57; Лебедев А. П. История разделения церквей в IX – XI вв. // Лебедев А. П. Собрание церковно – исторических сочинений. Т. V. СПб., 1905.